

ОДИССЕЙ

2008

Script/Oralia: взаимодействие
устной и письменной традиций

Ночь как объект
исторической науки

Историческая наука
и «порядочные люди»

Карьерные стратегии
монархии Габсбургов

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ,
Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА, К.А. ЛЕВИНСОН,
С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ,
А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА,
А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь), П.Ю. УВАРОВ,
Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук Т.Н. ДЖАКСОН,
доктор исторических наук В.Я. ПЕТРУХИН

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М. :
Наука, 1989 – .

2008 : Script/Oralia: взаимодействие устной и письменной традиций в
Средние века и раннее Новое время / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2008. –
483 с. – ISBN 978-5-02-036740-1.

Юбилейный двадцатый выпуск альманаха “Одиссей” открывается разделом, посвященным анализу трансформаций, которые происходят с устной традицией в ситуации конфликта и взаимодействия с традицией письменной, в частности в условиях билингвизма при переводе с одного языка на другой и в эпоху книгопечатания, когда печатное слово начинает проникать в сферу устного и наоборот. Другие разделы сборника посвящены сравнительным исследованиям, истории представлений о времени, социальной истории, проблемам анализа словесных и визуальных образов в культуре. Публикация номера – текст гомилии блаженного Августина на один из стихов 120-го псалма. Традиционно значительное место уделено рецензиям и обзорам новой литературы.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и более широкого круга читателей.

Темплан 2009-I-238

ISBN 978-5-02-036740-1

- © Институт всеобщей истории РАН, 2008
- © Лучицкая С.И., составление, 2008
- © Коллектив авторов, 2008
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1989 (год основания), 2008
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	5
------------------	---

SCRIPT/ORALIA: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

<i>С.И. Лучицкая</i> ВВЕДЕНИЕ	7
<i>А.Л. Топорков</i> МАГИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ В УСТНЫХ И РУКОПИСНЫХ ТРАДИЦИ- ЦИЯХ РОССИИ XVII–XVIII ВВ.	13
<i>С.И. Лучицкая</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В ХРОНИКАХ И CHANSONS DE GESTE ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА.	29
<i>О.И. Тогоева</i> “УПОВАЮ НА НЕГО И НЕ БОЮСЬ...” (ИС. 12: 2). ПРЯМАЯ РЕЧЬ ЖАННЫ Д’АРК НА ПРОЦЕССЕ 1431 г.	62
<i>София Менаше</i> УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ В ХРОНИКАХ: ТЕКСТЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ (перевод с английского С.И. Лучицкой)	81
<i>Мари-Кристин Вароль</i> ТРАДИЦИЯ ТЕКСТОВ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ВЕЛИКОМ В СОВРЕМЕН- НЫХ ЕВРЕЙСКО-ИСПАНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ (перевод с француз- ского С.И. Лучицкой)	105
<i>А.А. Котомина</i> “ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ПРЯХ”: ОПЫТ ЗАПИСИ ПОВЕРИЙ В УСЛОВИЯХ ОСВОЕНИЯ НОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ	138
<i>М.И. Василенко</i> ТРАДИЦИОННАЯ АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ: К ПРОБЛЕМЕ СООТНО- ШЕНИЯ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ	155
<i>Г.А. Попова</i> КТО ГОВОРИЛ НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ В ХРИСТИАНСКОМ ТОЛЕ- ДО? (СФЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В ТОЛЕДО XII–XIII ВВ.)	165

<i>С.И. Лучицкая</i>	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	178

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Г.В. Бондаренко</i>	
НИВЕРНО-ROSSICA: “ЗНАНИЕ В ОБЛАКАХ” В ДРЕВНЕИРЛАНДСКОЙ И ДРЕВНЕРУССКОЙ МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ...	182
<i>П.В. Лукин</i>	
ДРЕВНЕРУССКИЙ “ПОТОК И РАЗГРАБЛЕНИЕ” В СВЕТЕ GERMANСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ	196

ВРЕМЯ САКРАЛЬНОЕ – ВРЕМЯ МИРСКОЕ

<i>Ален Кабантус</i>	
НОЧЬ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ (ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА XVII–XVIII вв.) (<i>перевод с французского И.К. Стаф</i>)	211

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

<i>О.В. Хаванова</i>	
КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. В ЗЕРКАЛЕ ОБРАЩЕНИЙ НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ	230

СЛОВО И ОБРАЗ В КУЛЬТУРЕ

<i>О.Ф. Кудрявцев</i>	
“ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ САТУРНОМ”: АСТРАЛЬНАЯ МАГИЯ МАРСИЛИЯ ФИЧИНО	251
<i>И.Г. Галкова</i>	
“АКВИТАНСКИЙ ВСАДНИК” И АКВИТАНСКИЕ АРИСТОКРАТЫ: К ВОПРОСУ О СВЕТСКОМ ЗАКАЗЕ ЦЕРКВЕЙ В XII в.	275

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

<i>С.Л. Козлов</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И “ПОРЯДОЧНЫЕ ЛЮДИ”: МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ КОММЕНТАРИЯ К “АПОЛОГИИ ИСТОРИИ”	302

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ

<i>Питер Бёрк</i>	
“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (<i>перевод с английского К.А. Левинсона</i>)	337

Е.Е. Савицкий

“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В ИСТОРИОГРАФИИ – ДРУГИЕ ВЕРСИИ (КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ ПИТЕРА БЁРКА)	355
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ

С.А. Степанцов

“УЖЕ ОСВЕЩЕНЫ ГОРЫ”: ПС 120: 1 У АВГУСТИНА И ЕГО ПРЕД- ШЕСТВЕННИКОВ	367
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

К.А. Левинсон

ТАКАЯ РАЗНАЯ УСТНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Nitхаммер Л.</i> Фрагменты немецкой памяти. М. (в печати). Книга погро- мов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг.: Сб. док-тов / Отв. ред. Л.Б. Милякова и др. М., 2007	382
---	-----

С.И. Лучицкая

ВОСПРИЯТИЕ НОЧИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

L’imaginaire de la nuit au Moyen âge / Études réunies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes. 2002. Т. 106, N 2	409
--	-----

О.Е. Кошелева

ВОЛОВЬИ ЛУЖКИ И СИБИРСКИЕ ПРОСТОРЫ

<i>Kivelson V.</i> Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth- Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006	417
---	-----

А.В. Толстиков

СЕЛЬСКИЙ ПРИХОД ПОСЛЕ “ОХОТЫ НА ВЕДЬМ”

<i>Lennerstrand M., Oja L.</i> Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häx- processerna 1668–1671. [Hedemora], 2006	430
--	-----

ХРОНИКА

А.В. Свешников, Б.Е. Степанов

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ (К 20-ЛЕТИЮ “ОДИССЕЯ”)	444
---	-----

М.Ю. Парамонова

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ А.Я. ГУРЕВИЧА	457
-----------------------------------	-----

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЕЖЕГОДНИКЕ “ОДИССЕЙ” ЗА 1999–2008 ГОДЫ	461
--	-----

SUMMARIES	471
-----------------	-----

IN MEMORIAM

Юрий Павлович МАЛИНИН (1946–2007)	476
---	-----

CONTENTS

To the reader	5
---------------------	---

SCRIPT/ORALIA: THE WRITTEN AND THE ORAL IN THE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN TIME

S.I. Luchitskaya

INTRODUCTION	7
--------------------	---

A.L. Toporkov

MAGIC TEXTS IN THE 17 TH - AND 18 TH -CENTURY RUSSIAN ORAL AND HANDWRITTEN TRADITION	13
---	----

S.I. Luchitskaya

THE INTERPLAY OF THE ORAL AND THE WRITTEN IN CHRONICLES AND CHANSONS DE GESTE OF THE FIRST CRUSADE	29
---	----

O.I. Togoeva

'FIDUCIALITER AGAM ET NON TIMEBO' (ISAIAH 12: 2). JOAN OF ARC'S DIRECT SPEECH AT THE 1431 TRIAL	62
--	----

S. Menache

ORALITY IN CHRONICLES: TEXTS AND HISTORICAL CONTEXTS	81
--	----

M.-Chr. Varol

TEXTUAL TRADITION OF ALEXANDER THE GREAT IN MODERN JUDEO-SPANISH PROVERBS	105
--	-----

A.A. Kotomina

THE GOSPELLES OF DYSTAUES: ASSIMILATING NEW KNOW-HOW AND WRITING DOWN POPULAR BELIEFS	138
--	-----

M.I. Vasilenko

THE ORAL AND THE WRITTEN IN TRADITIONAL ARABIC POETRY	155
---	-----

G.A. Popova

WHO SPOKE ARABIC IN CHRISTIAN TOLEDO? (THE USE OF ARABIC IN 12 TH - AND 13 TH -CENTURY TOLEDO)	165
---	-----

S.I. Luchitskaya

CONCLUSION	178
------------------	-----

COMPARATIVE HISTORY

G.V. Bondarenko

HIBERNO-ROSSICA: 'KNOWLEDGE IN THE CLOUDS' IN OLD IRISH AND OLD RUSSIAN MYTHOPOEIC TRADITIONS	182
--	-----

P.V. Lukin

THE OLD RUSSIAN <i>POTOK I RAZGRABLENIE</i> AND ITS GERMANIC PARALLELS	196
--	-----

TIME SECULAR AND SACRED

A. Kabantus

NIGHT AS SUBJECT OF HISTORICAL RESEARCH (WESTERN EUROPE, 17 TH –18 TH CENTURIES)	211
--	-----

SOCIAL HISTORY

O.V. Khavanova

CAREER STRATEGIES IN THE 18 TH -CENTURY HABSBURG MONARCHY IN THE MIRROR OF PETITIONS TO THE MONARCH	230
--	-----

WORD AND IMAGE IN CULTURE

O.F. Kudryavtsev

‘IMPRINTED BY SATURN’: MARSILIO FICINO’S ASTRAL MAGIC	251
---	-----

I.G. Galkova

THE ‘AQUITAINIAN HORSEMAN’ AND AQUITAINIAN NOBLES: TOWARDS THE QUESTION OF LAY PATRONAGE OF THE 12 TH -CENTURY CHURCH BUILDING	275
---	-----

HISTORIAN AND TIME

S.L. Kozlov

THE HISTORICAL RESEARCH AND THE <i>HONNÊTES GENS</i> : TOWARDS AN EXPLICATIVE COMMENTARY TO MARC BLOCH’S <i>APOLOGIE POUR L’HISTOIRE</i>	302
--	-----

DISCUSSIONS ON HISTORIOGRAPHY

P. Burke

THE PERFORMATIVE TURN IN RECENT CULTURAL HISTORY	337
--	-----

Ye.Ye. Savitsky

‘THE PERFORMATIVE TURN’ IN HISTORIOGRAPHY: OTHER VERSIONS (A COMMENTARY ON PETER BURKE’S ARTICLE)	355
---	-----

PUBLICATIONS

S.A. Stepantsov

- 'IAM ILLUMINATI SUNT MONTES': PSALM 120: 1 IN AUGUSTIN'S AND HIS PREDECESSORS' WRITINGS 367

BOOK REVIEWS

K.A. Levinson

ORAL HISTORY THE MANIFOLD

- Niethammer L.* Fragmenty nemetskoy pamyati. Moskva (forthcoming); Kniga pogromov. Pogromy na Ukraine, v Byelorussii i v evropeyskoy chasti Rossii vo vremya Grazhdanskoy voyny 1918–1920 gg. Sbornik dokumentov / Otv. red. L.B. Milyakova i dr. Moskva, 2007 382

S.I. Luchitskaya

THE PERCEPTION OF NIGHT IN THE MIDDLE AGES

- L'imaginaire de la nuit au Moyen âge / Etudes recueillies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes.* 2002. T. 106. N 2 409

O.Ye. Kosheleva

OXEN MEADOWS AND THE VAST TRACTS OF SIBERIA

- Kivelson V.* Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006 417

A.V. Tolstikov

LIVING ON IN A RURAL PARISH AFTER THE WITCH HUNT

- Lennerstrand M., Oja L.* Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häxprocesserna 1668–1671. [Hedemora], 2006 430

CHRONICLE

A.V. Sveshnikov, B.Ye. Stepanov

- TWENTY YEARS AFTER (THE 20TH ANNIVERSARY OF *ODYSSEUS*) 444

M.Yu. Paramonova

- AARON GUREVICH MEMORIAL READINGS 457

- INDEX OF ARTICLES PUBLISHED IN *ODYSSEUS* IN 1999–2008 461

- SUMMARIES 471

IN MEMORIAM

- Yuriy Pavlovich MALININ (1946–2007) 476

ДРЕВНЕРУССКИЙ “ПОТОК И РАЗГРАБЛЕНИЕ” В СВЕТЕ ГЕРМАНСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ*

Историкам древнерусского права хорошо известно такое наказание, как “поток и разграбление” (или просто “поток” и “разграбление” как отдельные наказания). Сначала оно упоминается в Пространной редакции Правды Русской (начало XII в.), где фигурирует как мера наказания в трех статьях, соответственно за разбой “безъ всякоя свады” (т.е. убийство в разбое без всякого повода, без ссоры), конокрадство, поджог гумна и двора¹. Подробнее всего характеризует эту меру статья 7: “Будеть ли сталь на разбой безъ всякоя свады, то за разбоиника люди не платять, но выдать и всего съ женоу и с дѣтми на потока и на разграбление”². “Разграбление” (но без “потока”) появляется в качестве кары для “русина” в договоре Смоленска с Готским берегом 1229 г.³ и, очевидно, подразумевается в статье 13 “Правосудия митрополичья”, юридического памятника, по-видимому, XV в., где говорится, что “душегубца” (т.е. убийцу) следует “осѣчи... да продати, как стечет(ь), а дом его на грабеж”⁴. Глагол “осѣчи” может значить “избить” или “изувечить”⁵; “продати” – “продать в рабство” или “наложить пеню”, штраф⁶.

С другой стороны, в нарративных памятниках, летописях, также описываются ситуации, в которых те или иные лица подвергаются наказанию, близкому к известному по юридическим источникам “поток и разграблению”. Особенно часто встречаются такого рода описания в новгородских летописях. В качестве примера можно привести очень красноречивое свидетельство Новгородской I летописи под 1230 г.⁷ Во время одного из конфликтов в Новгороде посадник Внезд Водовик “възъвари городъ вьсь”, новгородцы “поидоша съ вѣчя, и много дворовъ розграбиша, а Волоса Блуткиница на вѣчи убиша”, причем посадник заявил: “Ты еси мои дворъ хотель зажечи”⁸. Здесь жертвой вечевой расправы и, в частности, “разграбления” противник посадника оказывается по формальному обвинению в уголовном преступлении – поджоге двора, за что, как отмечалось выше, данная кара полагалась и по Пространной Правде⁹.

Очень часто свидетельства об этой каре в летописях появляются в известиях о политической борьбе или “мятежах”. Так, в той же Новгородской I летописи под 1270/71 г.¹⁰ сообщается о “мятеже” в Новгороде, целью которого было изгнание князя Ярослава Ярославича. Однако этот “мятеж” носил своеобразный правовой характер. Решившие прогнать князя новгородцы “съзвониша вѣче на Ярослав-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ, проект № 08-01-00440а, и фонда Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung).

ли дворѣ”, т.е. созвали вече, ударив в колокол, на его традиционном месте – Ярославовом дворище на Торговой стороне, рядом с Никольским собором. На вече был убит некий Иванко, очевидно, сторонник князя; другие его сторонники (тысяцкий Ратибор, Гаврило Кьяинов и др.) на следующее утро бежали на Городище, где находилась княжеская резиденция. Тогда новгородцы “взяша дома ихъ на разграбление и хоромы рознесоша; а къ князю послаша на Городище, исписавше на грамоту всю вину его...”¹¹ (далее излагается содержание обвинений). Ясно, что новгородцы не просто занялись погромами, грабежами и убийствами, а в соответствии с решением веча карали лиц, признанных ответственными за преступления князя. Эти обвинения были сформулированы в грамоте, отправленной Ярославу.

Что же такое “поток и разграбление”? В XIX – начале XX в. русские ученые, особенно специалисты по истории права, задумывались об этом. Однако в их объяснениях почти всегда обнаруживается некоторая неопределенность. Так, М.Ф. Владимирский-Буданов писал, что “потоком называется лишение личных прав, а разграблением – прав имущественных; и то, и другое составляет одно наказание, а не два вида наказаний”. Ученый полагал, что “первоначально поток и разграбление имели неопределенное значение: с лишенным прав и его семьей можно было сделать что угодно”, и даже что из этой формы наказания выросли “все виды уголовных кар”, такие как изгнание и ссылка, болезненные и членовредительские наказания, смертная казнь. М.Ф. Владимирский-Буданов обратил внимание и на летописные сообщения, которые одни только могут дать конкретную информацию о том, что собой реально представлял “поток и разграбление”¹².

В.И. Сергеевич совершенно справедливо заметил, что “на основании текста Правды (Русской. – П.Л.) это наказание является мало понятным”. Добавлю, что это же относится и к другим цитировавшимся выше юридическим памятникам. Однако попытку выхода из ситуации, предложенную ученым, следует признать неудачной. Он полагал, что “поток и разграбление” – это для Руси “новый вид наказания, возникший под влиянием Византии”. Аргументом для В.И. Сергеевича служили славянские переводы византийских сборников светского законодательства, из сличения которых с оригиналом “оказывается, что там, где в оригинале говорится о конфискации и ссылке, для чего употреблялось выражение “publicatis bonis relegantur”, в русском переводе стоит: “розграблены бывше да изжениутся”»¹³. Чешский ученый Карел Кадлец в статье, посвященной южнославянскому аналогу “потока и разграбления” – “rogob – rásar”, обратил внимание на то, что В.И. Сергеевич использовал для разъяснения смысла древнерусского выражения не греческий оригинал византийских правовых источников, а латинский их перевод.

Как показал К. Кадлец, выражению “да поточени будуть” славянского текста в оригинале соответствовало слово ἔξορίζονται, а “ограблен будеть” – δημεύεται (соответственно, от глаголов ἔξορίζω и δημεύω: “изгонять”, “ссылать” и “захватывать в общественную собственность”, “конфисковывать”¹⁴). При этом К. Кадлец не согласен и с главным тезисом русского ученого; по его словам, тот “должен был обратить внимание в особенности на германское право и на право славянских народов, и тогда бы он пришел к другому мнению”. Сопоставление показывает, по его мнению, что “так же, как южные славяне не заимствовали институт так называемых porob’a и gásar’a у византийцев, так не заимствовали его и русские”¹⁵.

Однако ошибка В.И. Сергеевича состояла не только в том, что он ограничился исключительно русскими и исключительно юридическими источниками, но и в том, что он исходил из внешней, формально-юридической стороны “потока и разграбления”, рассматривая его с точки зрения современных ему правовых понятий (“конфискация имущества”, “лишение свободы”). Уязвимость такой позиции и, по сути дела, формально-юридического подхода в целом верно подметил современный польский историк Анджей Поппе. В короткой, но содержательной статье он охарактеризовал сущность древнерусского “потока и разграбления” и причины его аморфности. По словам исследователя, это “соединенное наказание, исполнявшееся по отношению к личности и имуществу виновного”. А. Поппе не ограничивается Пространной Правдой и обращает внимание на летописные сообщения, “которые позволяют сделать вывод, что этой каре подлежали также за преступления *политического характера* (курсив мой. – П.Л.)”. Истоки этого наказания А. Поппе относит к догосударственной эпохе, «когда община исключала преступника из своего коллектива, вплоть до физического устранения, уничтожая и “разграбляя” его имущество». Государство восприняло название этой кары, изменив ее по существу: имущество теперь конфисковывалось “в пользу княжеской казны”¹⁶. Еще раньше сопоставление древнерусского “потока” с похожими западно- и южнославянскими средневековыми наказаниями предпринял чешский исследователь Владимир Прохазка и пришел к выводу о том, что «объем и форма кары (“потока и разграбления” и его аналогов. – П.Л.) не обнаруживает во всей Европе существенных различий», хотя составы преступлений, за которые она полагалась в славянских обществах, “не столь разнообразны, как в остальном европейском праве”¹⁷.

Несмотря на то что выводы старой русской историографии и ученых других славянских стран в значительной степени представляются обоснованными, на многие и притом важнейшие вопросы ответы так и не были даны. Прежде всего, на русском материале не решаются вопросы о *сущности* наказания (почему соединяется ссылка

и разграбление имущества; почему в летописях часто упоминается не только разграбление, но и разрушение или сожжение домов, а главное – что это вообще за кара?) и о его *происхождении*. Разные историки выдвигали различные предположения на этот счет, иногда очень тонкие, но они остаются догадками, так как, не покидая русскую почву, разрешить эти проблемы невозможно в принципе: здесь мы имеем дело с правовым институтом в его уже развитой форме.

В советское время самому “поток и разграблению” внимания практически не уделяли, а соответствующие сообщения в летописях рассматривали в основном как акты классово-борьбы¹⁸. Исключением, однако, стала так называемая “школа Фроянова”. Ее основатель ленинградский историк И.Я. Фроянов в 1970–1980-е годы в рамках своей критики официальной советской концепции раннефеодального государства вернулся к некоторым позициям старой русской историографии, синтезируя их с отдельными “неклассическими” марксистскими концепциями (вроде идей о “дофеодальном периоде”, “общинности без первобытности” и проч.). Логичным следствием было и обращение к традиционной проблематике историко-юридических исследований XIX – начала XX в.: община, вече, “народное ополчение”... Естественно, рано или поздно дело должно было прийти и до “потока и разграбления”. Если в работах самого И.Я. Фроянова эта тема затрагивается лишь эпизодически¹⁹, то для его молодого последователя С.Б. Чебаненко она – в центре внимания. У С.Б. Чебаненко нет никаких сомнений в том, что “поток и разграбление” «является разновидностью остракизма, “*лишения мира*”, явления, общего для всех народов (выделено мной. – П.Л.)»²⁰. На каком основании делаются такие выводы? В древнерусских источниках такие понятия, как “остракизм” или “лишение мира”, отсутствуют. Сопоставление с древнерусской карой греческой процедуры остракизма представляется совершенно искусственным. Ни по форме, ни по содержанию они не имели почти ничего общего. Что касается “лишения мира”, то тут дело обстоит сложнее. Сам С.Б. Чебаненко в связи с этой концепцией ссылается на русского правоведа начала XX в. И.И. Малиновского и советского этнографа М.О. Косвена, что выглядит некоторым курьезом, поскольку они не только ни в коей мере не были ее авторами, но даже сколько-нибудь подробно ее не обосновывали.

На самом деле, концепция “лишения мира” восходит к теории классической немецкой историографии XIX – начала XX в. о *primäre Friedlosigkeit*, в рамках которой существовала мощная традиция изучения таких германских правовых традиций, как *Friedlosigkeit* (“лишение мира” или “объявление вне закона”), *Fronung* (конфискация имущества лица, объявленного вне закона), *Wüstung* (уничтожение имущества преступника в качестве наказания), *Acht* (объявление вне

закона, опала и как следствие – изгнание). Сторонники этой теории, яркие представители классической немецкой Verfassungsgeschichte, такие как Вильгельм Эдуард Вильда, Карл фон Амира, Георг Вайтц, Хайнрих Бруннер и др., стремились показать, что Acht и Wüstung (условно говоря, “поток и разграбление”) суть проявления состояния Friedlosigkeit (“лишения мира”), которое, в свою очередь, основывается на представлении о сакральном “всеобщем мире”. Его нарушение (Friedensbruch) в результате совершенного индивидом преступления вело к исключению последнего из “союза мира” (т.е. из той или иной германской общности) (Friedlosigkeit) и к преследованию со стороны коллектива (указанные выше формы репрессий). Что касается мер в отношении имущества преступника, то, как отмечает автор классической работы о средневековом немецком уголовном праве Рудольф Хис, “лишение мира действовало как в отношении личности, так и в отношении имущества; преступник, как это говорится в северогерманских источниках, становился exlex ipse et omnia bona sua, вне закона в отношении тела и имущества”²¹. Александр Коулин, немецкий правовед, занимавшийся именно имущественным аспектом Friedlosigkeit, даже называл эти меры “имущественно-правовым лишением мира” – vermögensrechtliche Friedlosigkeit (в отличие от “лично-правового” – personenrechtliche Friedlosigkeit), которое, в свою очередь, выступало в двух видах: конфискация имущества (Fronung) или его уничтожение (Wüstung)²². При этом типичным объектом уничтожения был дом преступника. Разрушение дома символизировало, да и фактически означало устранение осужденного из пределов той общности, к которой он принадлежал. Довольно разработанную, насыщенную разнообразными ритуалами процедуру объявления вне закона ученые обнаруживали в древнеисландском праве и правовых традициях, отразившихся в сагах²³. Представление о том, что древняя Скандинавия являлась своего рода контейнером, где вплоть до очень позднего времени сохранялись в неприкосновенности германские древности, способствовало активному привлечению древнесеверных данных к построению модели архаического “лишения мира” (primäre Friedlosigkeit)²⁴. Из этой теории исходили и ученые славянских стран, искавшие и с успехом находившие аналоги соответствующих германских явлений в славянских юридических памятниках (К. Кадлец, В. Прохазка, М.Ф. Владимирский-Буданов и др.). Очень четко об этом писал чешский историк права Вацлав Ванечек: “Понятие Friedlosigkeit знали славянские правовые системы, хотя и не имели для него отдельного названия. Знали они также и оба последствия этой Friedlosigkeit, или лишения правовой защиты. Поток и разграбление русского права и roĝob-rásar в южнославянском праве представляют собой реальную и терминологически полную аналогию германской Wüstung”²⁵.

Казалось бы, ответ найден, и германскую *Friedlosigkeit* надо просто экстраполировать на восточнославянскую почву, а “поток” и “разграбление” по схеме немецкой историографии объявить конкретными проявлениями “лишения мира”. Однако, как выясняется, главная опора самой теории о *primäre Friedlosigkeit* – германские материалы – может быть поставлена под сомнение, во всяком случае однозначного ответа на вопрос о происхождении этого типа наказаний они не дают. В рамках классической концепции считалось, что эта кара восходит к чрезвычайно ранней эпохе и может быть обнаружена уже у древних германцев. К. фон Амира формулирует этот тезис так: “Нарушителя мира должно было постичь... лишение мира [*Friedlosigkeit*]... Этот вывод со всей строгостью делает древнегерманское уголовное право”²⁶.

Уже в 1930-е годы относительно теории о “мире” как основе правового порядка у древних германцев высказывался определенный скептицизм, в частности, на основании того, что она основывалась главным образом на источниках значительно более поздних, чем древнегерманская эпоха²⁷. Однако по-настоящему развернутой и подробной критике эта концепция подверглась в 1970-е годы, когда против нее выступил немецкий историк-юрист Эккехард Кауфманн. Он полемизировал с Х. Бруннером и другими сторонниками традиционной концепции на том основании, что они, опираясь на данные немецких, англосаксонских и скандинавских источников, сконструировали некую общую модель германского “народного мира” (*Volksfrieden*), нарушив который преступник автоматически оказывался вне закона и подвергался местной общностью соответствующим репрессиям: изгнанию и лишению имущества. Опиралась эта модель, главным образом, на источники, записанные в эпоху высокого Средневековья (“Саксонское зеркало”, скандинавские саги), тогда как ранние тексты (в том числе знаменитая “Германия” Тацита) никаких данных ни о “народном мире”, ни об объявлении вне закона не содержат.

В качестве единственного конкретного раннего упоминания “лишения мира” и вытекавшей из него *Wüstung* обычно признавались юридические нормы, содержащиеся в Саксонском капитулярии Карла Великого 797 г.²⁸ В его 8 титуле говорится о наказании человека, не подчиняющегося судебному приговору: “...пусть, созвав общее собрание, соберутся вместе сами жители округа, и если единодушно согласятся – пусть подожгут его (дом и двор. – П.Л.) для его усмирения; тогда пусть это будет сделано согласно общему постановлению этого собрания, согласно их древнему праву (*secundum eorum ewa*)...”²⁹ (любопытно, между прочим, что сама процедура назначения и реализации наказания, согласно “Саксонскому капитулярию”, очень близка к русской, как мы ее знаем по Правде Русской и другим юри-

дическим памятникам). В 10 титуле Капитулярия идет речь уже о наказании, также чрезвычайно близком к древнерусскому “потоку” как изгнанию: “О преступниках, которые, согласно древнему праву саксов (*secundum ewa Saxorum*), должны подвергнуться смертной казни, все постановили, чтобы какой бы из них ни искал бы убежища у королевской власти или бы находился под его [короля] властью, пусть он будет выдан им [т.е. саксам] для убийства, или с их согласия, пусть он [король] имеет право этого преступника с женой, семьей и всем его имуществом выслать за пределы родины и поселить или на окраине, там, где он [король] пожелает, пусть они [саксы] считают его как бы мертвым (*habeant ipsum quasi mortuum*)”³⁰. Э. Кауфманн отвергает традиционную точку зрения о том, что в Капитулярии *implicite* подразумевается состояние *Friedlosigkeit*, по следующим основаниям: в самом источнике ни о *Friedlosigkeit*, ни о чем-либо подобном не говорится; нет в нем и никаких данных о том, что уничтожение имущества преступника “якобы является актом, восходящим к глубокой древности, который, первоначально основываясь на сакральных представлениях, должен был искоренить память об объявленном вне закона”³¹. Постановления “варварских прав” о расправе с преступником, пойманым с поличным, которые часто сторонниками классической концепции признавались свидетельствами о *Friedlosigkeit*, Э. Кауфманн отвергает с еще большей уверенностью по двум причинам. Во-первых, в них «нигде – будь то прямо или косвенно – не говорится о том, что преступник оказывается “вне закона”» (нет характерных для более позднего времени констатаций того, что кто-либо является *exlex* или *utlagh*). Во-вторых, эти свидетельства не дают оснований для суждения о преследовании виновного со стороны коллектива, “так как не каждый может убить преступника, пойманного с поличным, но только тот, кто был непосредственно затронут преступлением”. Ученый обращает внимание также на чрезвычайную близость трактовки преступления, виновный в котором пойман с поличным, в германских “варварских правдах” и римском праве, что заставляет, по его мнению, если и не предполагать прямое заимствование, то, во всяком случае, сомневаться в необходимости понятия *Friedlosigkeit* для объяснения права немедленной расправы с таким преступником; ведь, по несколько ироничному замечанию Э. Кауфманна, “еще никому не приходила в голову мысль говорить о римской *Friedlosigkeit*”³².

Автор новейшего обзора по истории *Wüstung* – аналога русского “разграбления” в немецком праве – последователь Кауфманна Лоренц Лаубенбергер решительно высказывается и против “защитавшейся в старой историографии точки зрения о том, что средневековая *W[üstung]* якобы была практиковавшимся с германской первобытности административным образом действий против имущества

правонарушителя в связи с объявлением вне закона”. В качестве аргумента он приводит то обстоятельство, что Капитулярий 797 г. “предусматривает W[üstung] в форме сожжения дома только как назначающуюся во внесудебном порядке насильственную меру по отношению к лицу, отказывающемуся выполнять постановление суда”³³.

Положение осложняется тем, что привлекаемые обычно для сопоставления с германской *Friedlosigkeit* учеными Восточной Европы западнославянские (в основном чешские), южнославянские и древнерусские параллели также относятся к сравнительно позднему времени (не ранее XI в.) и связь их с какими-то архаическими, “племенными” традициями также обычно постулируется а priori.

И все же существуют два обстоятельства, которые свидетельствуют в пользу того, что архаическое происхождение коллективных расправ с преступниками, признававшими себя врагами соответствующей общности, в принципе не может быть поставлено под сомнение.

Во-первых, критики архаического происхождения норм Саксонского капитулярия 797 г. не учитывают того, что, согласно этому памятнику, Карл Великий отнюдь не создал данное наказание, но, как уже отмечалось в историографии³⁴, разрешил саксам использовать их обычное право, действовать в соответствии с *их* (а не Франкского государства!) *ewa* (*secundum eorum ewa fiat peractum*). И тут принципиальное значение имеет лексема *ewa*. Современные историки и лингвисты единодушны в том, что это древнегерманское слово с не вполне ясной этимологией обозначало именно “народное”, обычное право, но не государственный закон. Более того, как отмечает специально исследовавшая терминологию капитуляриев Аннет де Соуза Коста, оно использовалось именно тогда, когда надо было отличать народное право (*Volksrecht*) от королевского (*Königsrecht*). “Латинское слово *lex* не отражало контраста двух правовых систем, так что слово *ewa* вводилось для обозначения народного права”³⁵. Английский исследователь Деннис Грин фиксирует другие существенные нюансы значения этой лексемы. Подчеркивая, что в латиноязычных юридических текстах она обозначала неписаное обычное право различных германских племен в отличие от законов, введшихся капитуляриями, он также отмечает ее использование для обозначения “религиозной практики или религии вообще”. Это позволяет Д. Грину говорить о “комбинированной религиозной и правовой функции” *ewa*³⁶, что также свидетельствует об архаичности правового явления, стоявшего за этим понятием.

Имеется и еще один, на мой взгляд, даже более существенный аргумент в пользу архаического происхождения этого типа наказания. “Поджог” и “безостановочное разграбление” (*incendium* и *continua depredatio*) упоминаются Титмаром Мерзебургским в качестве

наказания в отношении лица, не подчиняющегося решению собрания, при характеристике общественно-политического строя западнославянского племенного союза лютичей: “Во главе же тех, кто вместе называются лютичами, не стоит особый правитель. Они, рассматривая необходимые для себя (дела. – *П.Л.*) путем единодушного обсуждения на собрании, все приходят к согласию о вещах, которые нужно исполнить. Если же кто-либо из жителей той же области на собрании им противоречит, его бьют палками и, если вне (собрания. – *П.Л.*) открыто противодействует, теряет все (имущество. – *П.Л.*) или в результате поджога или непрерывного разграбления, или в их присутствии выплачивает в соответствии со своим качеством причитающуюся денежную сумму”³⁷. Согласно “Житию св. Адальберта-Войтеха, епископа Пражского”, написанному Бруноном Кверфуртским в первом десятилетии XI в., схожую кару знали и балтские пруссы. По словам Брунона, “тому же, кто, живя близ входа в [их] страну, пропускает в этом месте добрых гостей (т.е. миссионеров. – *П.Л.*), они угрожают смертью; обещают, изрыгая гнев, сжечь [его] дом, разделив имущество, продать [в рабство] жен и детей”³⁸. Разумеется, это не просто угрозы отомстить, а составные части того же самого наказания, о котором применительно к лютичам пишет Титмар, – наказания за противодействие воле политической общности. Еще более яркое и, как кажется, никем не замеченное свидетельство содержится в XIV книге “Деяний датчан” Саксона Грамматика, в которой рассказывается о датском посольстве, возглавлявшемся епископом Роскилле Абсаломом, к руянам (ранам) – славянскому населению о. Рюген в Балтийском море на севере современной Германии (1164 г.). Переговоры велись на “собрании” (*concio*), и во время заседания произошел неожиданный инцидент: “Абсалон... придя на их собрание и получив среди них почетнейшее место для сидения, когда он оглашал возложенные на него как на посла поручения и объяснил их через переводчика не знающим датского языка, случилось так, что некий юноша из руян, как свойственно славянам, забравшись на коня датского воина, за которого он притворялся, что хорошо заплатит, как будто стремясь его испытать, обратился в бегство. Когда Абсалон сообщенное ему объявил на собрании, все множество народа, считая, что нечестность одного человека причинила большой ущерб его [Абсалона] доверию [к ним], явно показывая [свою] ярость, разошлось и сразу же поспешило на преследование совершившего преступление”³⁹.

Однако, благодаря мудрости Абсалона, ситуация успешно разрешилась: “...когда спутники Абсалона, в страхе и замешательстве, удивлялись неожиданному содействию народа, немногие, которые были связаны родством с юношей, движимые более личными привязанностями, чем общественным позором, припали с мольбами к

коленам Абсалона, обещая вернуть коня, если только им вновь будет созвано собрание. Абсалон, пожалев их слезы, соединенные с мольбами, укротил бушевание с помощью посланников, которые успокоили народ, унял ярость и, когда конь был возвращен, осудил своего воина за глупость, так как он показал вору, что он заслуженно может быть обманут”⁴⁰.

Руянский юноша-конокрад должен был стать жертвой коллективной расправы со стороны своих соплеменников. Действует здесь “все множество народа” (*uniuersa populi multitudo*), решение о наказании принимается непосредственно на собрании (*concio*), и именно коллектив, объединенный в политическом смысле этим собранием, и должен реализовать собственный приговор. При этом, вопреки теории Э. Кауфманна, речь идет отнюдь не о расправе с преступником, застигнутым с поличным: во-первых, участники собрания не видели момента преступления, во-вторых, преступник успел скрыться. Ситуация похожа, скорее, на то, что в отечественной историографии принято считать “вечевым судом”: потерпевшая сторона, которую представляет Абсалон, предъявляет на собрании публичное обвинение, собрание принимает решение преследовать преступника. Стоит обратить внимание и на само преступление – конокрадство, каравшееся на Руси, как указывалось выше, согласно 35 статье Правды Русской, именно “потоком”: “...аще будет коневьи тать, выдати князю на потокъ”⁴¹.

Родственники руянского юноши-конокрада “припали с мольбами к коленам” Абсалона, испускали “слезы, соединенные с мольбами”, явно потому, что преступника ждала именно расправа, возможно, со смертельным исходом. Единственным способом уберечь виновного от неминуемой кары было вернуть потерпевшему утраченное имущество, причем не кулуарно, а именно на собрании, которое следовало специально для этого созвать. Только присутствие коллектива являлось правовой гарантией разрешения конфликта, поэтому датского посланника и упрасивали созвать новое собрание (*si modo regeum ab incepto concio reuocetur*).

Очевидно сходство способов избежать коллективной расправы за совершенные преступления у руян (по Саксону Грамматик) и лютичей (по Титмару Мерзебургскому), у которых, как мы помним, преступник либо “теряет все [имущество] или в результате поджога или непрерывного разграбления”, либо на собрании (*placitum*), в присутствии его участников (*in eorum presentia*), “выплачивает в соответствии со своим качеством причитающуюся денежную сумму”. Конечно, здесь есть определенные различия: в одном случае говорится о денежном штрафе, в другом – о возвращении украденного имущества или о материальной компенсации; в одном случае конкретный характер расправы неизвестен (хотя о нем можно догадываться),

в другом он точно указывается. Принцип, однако, один и тот же: речь идет о преследовании преступника коллективом, выразителем воли которого является собрание. К тому же нужно учитывать и еще одно обстоятельство. Саксон Грамматик, в отличие от Титмара, характеризующего общую практику, описывает конкретный казус, внутренний механизм которого он или его информаторы плохо понимали; по свидетельству Саксона, “спутники Абсалона, в страхе и замешательстве, удивлялись неожиданному содействию народа” (*comitibus... subitum uulgi concursum mirantibus*). “Неожиданное содействие”, представлявшее собой нормальный элемент обычного права архаического общества, у датчан XII в. вызывало уже удивление и страх. Поэтому и дать ему точную характеристику они не могли.

Предпринятый мною опыт компаративного анализа схожих способов наказания у древних германцев, балтов и славян показывает следующее. Относительно уровня социально-политического развития обществ лютичей, руян и пруссов можно, вероятно, спорить, но совершенно очевидно, что это были архаические языческие социумы, лишенные важнейших атрибутов государственности. И тот факт, что там зафиксирован в источниках тип наказания, во многих аспектах схожий с древнерусским “потоком и разграблением” и его германскими аналогами, так же, как и использование в латиноязычном Саксонском капитулярии 797 г. древнегерманской лексики *ewa*, ведет к единственно возможному выводу: и древнерусский “поток и разграбление”, и наказание, предусмотренное Саксонским капитулярием, являясь изначально *способами лишения политической общностью правонарушителя юридической субъектности и удаления его из своей среды*, все-таки имеют *архаическое происхождение*. Эти же два факта невозможно объяснить и с точки зрения выдвинутого Э. Кауфманном тезиса о заимствовании наказаний, связывавшихся с *Friedlosigkeit*, из римского права. С другой стороны, этот краткий сравнительно-исторический очерк показывает, что Э. Кауфманн и другие критики теории *primäre Friedlosigkeit* были правы в другом отношении: в отрицании представлений адептов традиционной *Verfassungsgeschichte* о специфически германском характере *Friedlosigkeit* и о том, что она была неким монолитным явлением, из которого выросли все остальные виды наказаний. Первому тезису очевидным образом противоречат негерманские свидетельства о коллективном преследовании преступников. Второй просто не может быть обоснован имеющимися данными. Древнерусский материал подтверждает и точку зрения Э. Кауфманна на наказание преступника, пойманного с поличным, как на юридический институт, не имеющий отношения к “лишению мира” или “объявлению вне закона”. Когда в Правде Русской речь идет о преступниках, пойманных с поличным, такое наказание, как “поток и разграбление”, не упоми-

нается. Об этом ясно свидетельствуют статьи 21 и 38 Краткой редакции: “Аже оубиють огнищанина оу клѣти, или оу конѣ, или оу говада, или оу коровѣ татьбы, то оубити въ ѡ мѣсто, а то же поконъ и тивоуницу”⁴² (ст. 21); “Аще оубьють тата на своемъ дворѣ, любо оу клѣти, или оу хлѣва, то тои оубить, аще ли до свѣта держать, то вести его на княжь дворъ; а оже ли оубьють, а люди боудоуть видѣли связанъ, то платити в немъ”⁴³. Немедленное убийство “во пса места”, а не “поток” или/и “разграбление”, – такое наказание ждало, по Правде Русской, преступника, пойманного с поличным⁴⁴. Чисто умо-зрительной конструкцией выглядит и теория сакрального “всеобщего мира”, не находящая никаких подтверждений в негерманских областях “варварской Европы”.

¹ Правда Русская / Под ред. Б.Д. Грекова. М.: Л., 1940. Т. I: Тексты. С. 104–105, 107, 113.

² Там же. С. 104–105.

³ Торговый договор Смоленска с Ригою и Готским берегом, 1229 г. // Смоленские грамоты XIII–XIV вв. / Подгот. к печати Т.А. Сумникова и В.В. Лопатин; Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1963. С. 41.

⁴ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я.Н. Шапов. М., 1976. С. 210.

⁵ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. II: “Л–П”. Стб. 755.

⁶ Там же. Стб. 1522.

⁷ См. о дате: Березков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 269–270.

⁸ Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). М., 2000. Т. III: Новгородская летопись старшего и младшего изводов. С. 69.

⁹ См. подробнее о правовой сущности и истории древнерусского “потока и разграбления”: Лукин П.В. “Поточи Мьстиславъ Полотьский князь”: Об одной из форм наказания в Древней Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 1(27). С. 20–35.

¹⁰ О дате см.: Березков Н.Г. Указ. соч. С. 273.

¹¹ ПСРЛ. Т. III. С. 88.

¹² Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005. С. 387–389.

¹³ Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1903. С. 394–395.

¹⁴ A Greek-English Lexicon / Compiled by H.G. Liddell and R. Scott, revised and augmented throughout by sir H. Stuart Jones with the assistance of R. McKenzie and with the cooperation of many scholars, with a revised supplement. Oxford, 1996. P. 385, 598.

¹⁵ Kadlec K. Porob – rásap v právu jihoslovanském // Sborník věd právních a státních. V Praze, 1922. R. XXII. S. 294–295, 305.

¹⁶ Poppe A. Potok i grabież // Słownik starożytności słowiańskich. Wrocław etc., 1970. T. IV. S. 251–252.

¹⁷ См.: Procházká V. Trest zničení a rozchvácení delikventova majetku u Slovanů // Právněhistorické studie. Praha, 1956. Č. II. S. 259.

- ¹⁸ См. многочисленные примеры: *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси. М., 1955.
- ¹⁹ См., например: *Фроянов И.Я.* Древняя Русь. Опыт исследования социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 276–277.
- ²⁰ *Чебаненко С.Б.* О связи остракизма и кровной мести в Древней Руси: “поток и разграбление” и “убиение за голову” // *Университетский историк.* СПб., 2005. С. 5. К сожалению, эта и другие статьи С.Б. Чебаненко написаны вне контекста европейской историографии; ни на одну работу на иностранном языке он не ссылается; иноязычные источники цитируются по русским переводам (разного качества); известные мировой науке с позапрошлого века концепции приписываются отечественным ученым. Это радикальным образом снижает научный уровень статей С.Б. Чебаненко, несмотря на попадающиеся там подчас интересные замечания и заслуживающие внимания интерпретации древнерусских источников.
- ²¹ *His R.* Das Strafrecht des deutschen Mittelalters. Aalen, 1964 (Neudruck der Ausgabe 1920). Teil I: Die Verbrechen und ihre Folgen im allgemeinen. S. 414.
- ²² *Coulin A.* Die Wüstung. Ein Beitrag zur Geschichte des Strafrechts unter besonderer Berücksichtigung des deutschen und französischen Hochmittelalters // *Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft.* 1915. Bd. 32. S. 332.
- ²³ См.: *Heusler A.* Das Strafrecht der Isländersagas. Leipzig, 1911. S. 124–190. Э. Кауфманн писал, что автор этой монографии Андреас Хойслер поставил под вопрос “тезис о том, что у германцев существовала первоначальная Friedlosigkeit” (*Kaufmann E.* Zur Lehre von der Friedlosigkeit im Germanischen Recht // *Beiträge zur Rechtsgeschichte. Gedächtnisschrift für Hermann Conrad / Hrsg. von G. Kleinheyer und P. Mikat.* Paderborn etc., 1979. [Rechts- und Staatswissenschaftliche Veröffentlichungen der Görres-Gesellschaft. Neue Folge; Hft. 34]. S. 332), но это не совсем соответствует действительности. А. Хойслер вполне разделял “классическую концепцию” и даже писал, что упоминающийся в сагах “уход в лес” в качестве наказания за преступление (skóggangr) является “продолжением общегерманской Friedlosigkeit” (*Heusler A.* Op. cit. S. 221), но сомневался в некоторых аспектах этой концепции: в идеях о сакральном происхождении объявления вне закона, о существовании у древних исландцев представления о “всеобщем мире” как нормальном состоянии и о преступлении как нарушении “мира”, о стихийности и внесудебном характере “объявления вне закона” (напротив, А. Хойслер подчеркивал, что это состояние всегда было следствием судебного приговора) (*Heusler A.* Op. cit. S. 234–237).
- ²⁴ См. об этом: *See K. von.* Altnordische Rechtswörter. Philologische Studien zur Rechtsauffassung und Rechtsgesinnung der Germanen. Tübingen, 1964 (Hermaea. Germanistische Forschungen. Neue Folge; Bd. 16). S. 139–141.
- ²⁵ *Vaněček V.* Konfiskace a plen v nejstarším českém právu // *Naše právo a stat.* Sborník šedesátému výročí založení spolku československých právníků “Všehrd”. V Praze, 1928. S. 63.
- ²⁶ *Amira K. von.* Germanisches Recht. B., 1967. 4 Aufl., ergänzt von K.A. Eckhardt. Bd. II. Rechtsaltertumer. (Grundriss der Germanischen Philologie; Bd. 5/2). S. 134. См. также: *Brunner H.* Deutsche Rechtsgeschichte. Leipzig, 1906. Bd. I. S. 235–237.
- ²⁷ См., например, критический очерк американского ученого Дж. Гёбела-младшего: *Goebel J., Jr.* Felony and Misdemeanor. A Study in the History of English Criminal Procedure. N.Y.; L., 1937. Vol. I. P. 7–25 (ср. рецензию на эту книгу известного немецкого медиевиста Хайнриха Миттайса, в которой тот с некото-

- рыми оговорками защищает классическую концепцию: *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abteilung*. 1938. Bd. 85. S. 856–878). Свою точку зрения о глобальном значении “лишения мира” для германского правового сознания Х. Миттайс формулирует очень определенно: “Friedlosigkeit... сама не является собственно наказанием, но предпосылкой всякого наказания или подобной наказанию конкретной реакции” (Ibid. S. 864).
- ²⁸ См.: *Coulin A.* Op. cit. S. 350–351; *Bühler Th.* Wüstung und Fehde // *Schweizerisches Archiv für Volkskunde* (= *Archives suisses des Traditions populaires*). Vierteljahrsschrift im Auftrag der Schweizerischen Gesellschaft für Volkskunde / Hrsg. von R. Wildhaber. Basel, 1970. Bd. 66. S. 4.
- ²⁹ *Leges Saxonum und Lex Thuringorum* / Ed. C. von Schwerin. Hannoverae; Lipsiae, 1918. (*Fontes iuris Germanici antiqui in usum scholarum ex MGH separatim editi*). S. 48: ...condicto commune placito simul ipsi pagenses veniant et si unanimiter consenserint pro districtione illius casa (принимаю конъектуру Г. Вайтца, в рукописях: causa и causae. – П.Л.) incendatur; tunc de ipso placito commune consilio facto secundum eorum ewa fiat peractum...
- ³⁰ Ibid. S. 48–49: De malefactoribus, qui vitae periculum secundum ewa Saxonum incurere debent, placuit omnibus, ut qualiscumque ex ipsis ad regium potestatem confugium fecerit aut in illius sit potestate utrum interficiendum illis reddatur aut una cum consensu eorum habeat licentiam ipsum malefactorem cum uxore et familia et omnia sua foris patriam infra sua regna aut in marcu ubi sua fuerit voluntas collocare et habeant ipsum quasi mortuum.
- ³¹ *Kaufmann E.* Op. cit. S. 334.
- ³² Ibid. S. 345–346.
- ³³ *Laubenberger L.* W[üstung] (als Strafe) // *Handwörterbuch zu deutschen Rechtsgeschichte (HRG)* / Hrsg. von A. Erler, E. Kauffmann und D. Werkmüller unter philologischer Mitarbeit von R. Schmidt-Wiegand; Mitbegründet von W. Stammeler. B., 1996. 39. Lieferung. “Wormser Reformation-Zunft”. Kol. 1587.
- ³⁴ См.: *Fischer E.* Die Hauszerstörung als strafrechtliche Massnahme im deutschen Mittelalter. Stuttgart, 1957. S. 17.
- ³⁵ *Sousa Costa A. de.* Studien zu volkssprachigen Wörtern in karolingischen Kapitularien. Göttingen, 1993. (*Studien zum Althochdeutschen*; Bd. 21). S. 126–127. По мнению Рут Шмидт-Виганд, ewa Saxonum могло быть как писанным, так и неписанным правом (*Schmidt-Wiegand R.* Volkssprachige Rechtswörter in karolingischen Kapitularien // *De consolatione philologiae. Studies in honour of Evelyn S. Firchow*. Göttingen, 2000. [Göppinger Arbeiten zur Germanistik. Nr. 682/I]. S. 340).
- ³⁶ *Green D.H.* Language and History in the Early Germanic World. Cambridge, 1998. P. 32–33.
- ³⁷ Hiis autem omnibus, qui communiter Liutici vocantur, dominus specialiter non presidet ullus. Unanimi consilio ad placitum suimet necessaria discutiendis, in rebus efficiendis omnes concordant. Si quis vero ex comprovincialibus in placito hiis contradicit, fustibus verberatur et, si forinsecus palam resistit, aut omnia incendio et continua depredatione perdit aut in eorum presentia pro qualitate sua pecuniae persolvit quantitatem debitae (*Thietmari Merseburgensis episcopi chronicon* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum. Nova Series. B.*, 1935. T. IX / Hrsg. von R. Holtzmann. VI. 25 [18]. S. 304). Это место часто упоминалось в трудах, посвященных полабским славянам, но обычно без подробного рассмотрения самого наказания (см., например: *Wachowski K.* Słowiańszczyzna Zachodnia.

- Poznań, 2000. [Poznańskie towarzystwo przyjaciół nauk. Wznowienia; T. 6], 1-е изд.: 1903. S. 94). Ср. оценку этого известия в контексте вопроса о “потоке и разграблении” и его аналогах: *Procházka V.* Op. cit. S. 257; *Modzelewski K.* Europa barbarzyńska. Warszawa, 2004. S. 356–361.
- ³⁸ *Bruno Querfurtensis.* S. Adalberti Pragensis episcopi et martyris Vita altera auctore Brunone Querfurtensi / Ed., praef. notisque instr. J. Karwasieńska. Warszawa, 1969. (Monumenta Poloniae Historica. Series Nova. T. IV, fasc. 2). S. 32: Illi vero qui in ingressu regni positus bonos hospites eo loci dimisit, mortem minantur; domum incendere, divisis rebus uxores et filios vendere spumante ira pollicentur. См. об этом: *Procházka V.* Trest zničení. S. 274–275, pozn.
- ³⁹ Absalon... eorum concionem ingressus atque inter ipsos honoratissimo sedendi loco susceptus, quum legationis mandata proferret eamque Danicae vocis ignaris per interpretem explicaret, accidit ut quidam e Rugianis adolescens Sclauico ingenio Dani militis equum, pro quo se precium numeraturum fingebat, ueluti inaccessus eius experiendi causa conscendens fugam tentaret. Quod quum Absalon ad se perlatum in concione proponeret, uniuersa populi multitudo fidei suae crimen unius hominis perfidia allatum iudicans similem furori impetum confessa dissiluit auctoremque fraudis raptim insequi properauit (*Saxo Grammaticus.* Gesta Danorum / Ed. K. Friis-Jensen, P. Zeeberg. København, 2005. XIV. 30. 2. S. 322, 324).
- ⁴⁰ ...Absalonis comitibus ad metum et stuporem usque subitum uulgi concursum mirantibus pauci, qui adolescentem affinitate tangebant, plus priuata charitate quam publico rubore permoti supplices Absalonis genibus aduoluuntur, equi restitutionem polliciti, si modo per eum ab incepto concio reuocetur. Quorum Absalon permixtas precibus lachrymas miseratus missis, qui plebem pacarent, tumultum compescuit, consternationem sedauit equoque protinus reddito militem suum stultitiae damnauit, quod per inertiam et stoliditatem raptori se circumueniendum dedisset (*Ibid.* XIV. 30. 3. S. 324).
- ⁴¹ Правда Русская. Т. I. С. 107.
- ⁴² Там же. С. 71 (Академический список, далее – Ак.); см. также: С. 80 (Археологический I список, далее: Арх.). Принимаю интерпретацию, обоснованную Б.А. Романовым и А.Е. Пресняковым, согласно которой в этой статье идет речь о расправе с убийцей огнищанина, а не с огнищанином-вором (см.: *Романов Б.А.* Смердий конь и смерд (в Летописи и Русской Правде) // Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. 1908 г. СПб., 1908. Т. XIII, кн. 3. С. 30, примеч.; *Пресняков А.Е.* Княжое право в древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. М., 1993. С. 203, примеч. (1-е изд.: СПб., 1909).
- ⁴³ Правда Русская. Т. I. С. 72 (Ак.). См. также: С. 81 (Арх.).
- ⁴⁴ Эта норма явно восходит к очень раннему времени, поскольку похожее установление есть в договоре Руси с Византией 911 г.: “О сем, аще оукрадеть что Русин любо оу хрестьянина, или паки хрестьянинъ оу Русина, и ять боудеть в том часъ тать, егда татво сътворить, от погубившаго что любо, аще приготовить ся тать творяи, и оубьенъ будет, да не взищеться смерть его ни от хрестьянъ, ни от Роуси...” (ПСРЛ. М., 1997. Т. I: Лаврентьевская летопись. Стб. 34–35).